

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

УДК 81'25

Doi 10.26456/vtfilol/2022.2.165

«ВЕДЬМАК» А. САПКОВСКОГО КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

М.И. Бондаренко, В.А. Левушкин

Коломенский государственный социально-гуманитарный университет,
г. Коломна

Рассматривается проблема перевода авторских реалий, включенных в фэнтезийную прозу А. Сапковского. Показаны различные трансформации, к которым прибегают переводчики в рамках транскультурного трансфера.

Ключевые слова: Сапковский, фэнтези, реалия, перевод.

Анджей Сапковский – польский писатель, работающий в жанре фэнтези. Всемирную известность Сапковскому принес цикл «Ведьмак» (или «Сага о ведьмаке»), состоящий из двух сборников новелл («Меч Предназначения» (1992 г.) и «Последнее желание» (1993 г.)) и шести романов («Кровь Эльфов» (1994 г.), «Час Презрения» (1995 г.), «Крещение огнем» (1996 г.) «Башня Ласточки (1997 г.), «Владычица Озера» (1998 г.) и «Сезон гроз» (2013 г.)).

Фэнтези, традиции которого в современной литературе заложил Дж. Толкин, ставит перед переводчиком ряд непростых задач, которые не всегда являются актуальными для переводчика реалистической литературы, отражающей вполне прозрачные для представителей разных культур реалии, легко перекодируемые при межъязыковом трансфере. Авторы фэнтези, создающие, как правило, свой, оригинальный мир, лишь косвенно соотносящийся с миром реальным, конструируют его на основе реалий, частично импортированных из существующих мифологий (или сконструированных по данным в этих мифологиях моделям), но, чаще всего, создают свою собственную, авторскую мифологию, формируя ее на основе реалий, никем до этого не виденных и не слышанных. Как переводить подобного рода реалии – задача, так сказать, с двумя неизвестными.

Такого рода проблемы возникают уже при переводе центрального слова-понятия, определяющего базовые контуры семантики цикла Сапковского «Ведьмак». Употребляемое в польском оригинале «wiedźmin» переводчик Е.П. Вайсброт переводит как «ведьмак». Перевод, разумеется, корректный, однако между *ведьмаком* из русских переводов текстов Сапковского и *ведьмаком* из славянской мифологии существует значительная разница в семантике. В «Энциклопедии

сверхъестественных существ» указывается, что ведьмак «в мифологии восточных славян – мужчина, обладающий сверхъестественными способностями и, как правило, употребляющий их во вред людям» [6: 90]. В этом случае номинатив «ведьмак» семантически соответствует (при различии в дифференциальных семах, относящихся к категории рода) номинативу «ведьма» и является пусть и неполным, но синонимом словам «колдун» или «маг».

У Сапковского же *wiedzmin* содержит скорее положительную, нежели отрицательную коннотацию, реконструируемую на основе контекста, включающего в себя микроконтексты, в которых действует персонаж. Ведьмаки у Сапковского охотятся на чудовищ, тем самым помогая людям, хотя и за определенную плату: «Если память мне не изменяет, ведьмаки довольно своеобразно зарабатывают на жизнь. За плату убивают разных чудовищ» [3: 53]. В борьбе с врагами они практически не используют колдовство, которым владеют лишь в зачаточном виде, а полагаются на меч и свои физические способности: выносливость, скорость, реакцию. Таким образом, тексты Сапковского и их перевод на русский язык приписывают номинативу «ведьмак» иное, новое значение, отличное от того, которое мы находим в славянской мифологии, и переводчик должен учитывать данное отклонение от канона исходной мифологии. Данное значение вполне комфортно воспринимается русским читателем – номинатив «ведьмак» (в отличие от «ведьма») существует лишь на маргиналиях русского фольклора (русское «фольклорное» сознание не включает данный номинатив в ядро семантического поля «нечисть»), а потому не конфликтует семантически с тем словом, которое избирает переводчик.

В иных случаях конфликт неизбежен, и тогда переводчику приходится идти на достаточно радикальные трансформации исходных реалий.

Так, например, в самом первом произведении цикла, новелле «Ведьмак», ведьмак Геральт из Ривии охотится на стрыгу, которая также является персонажем славянской мифологии, хотя и малоизвестным русскому читателю. В составленном на основе различных мифологий самими Сапковским «Бестиарии» читаем, что стрыга – это «разновидность кровожадного славянского упыря. Стрыгами становились седьмой ребенок, дети, умершие без крещения, дети, зачатые во грехе, особенно инцесте, а также дети атеистов» [4: 286–287]. Здесь же приводится цитата из романа «Крестonosцы» польской писательницы Зофьи Коссак:

«Он задирает голову к нему и голосом, полным нескрываемого ужаса, трижды кричит:

– Стрыга! Стрыга! Стрыга!

И она прилетела... Со свистом рассекая воздух, посреди азиатской пустыни явилось славянское чудовище...» (цит. по: [4: 286]).

Однако в русском переводе романа «Ведьмак» «стрыга» (польск. *strzyga*) заменена на «упырицу»: «*Strzyga zarzyła potwornie, wurełniając dworzyszczę dudniącym echem*» [7] – «Упырица жутко зарычала, заполнив дворец гулким эхом» [3: 32]. В слове «стрыга» русский читатель, безусловно, улавливает славянские корни, но полная семантика номинатива, актуальная для понимания контекста, в который вписан данный номинатив, от него ускользает. «Упырица» же оказывается более близка и понятна русскому читателю – несмотря на то, что она, как и ведьмак, располагается на маргиналиях семантического поля «нечисть», в центре этого поля находится ее маскулинное инобытие, который и делегирует упырице часть своих семантических полномочий.

В процессе перевода претерпели изменения и более популярные персонажи из мифологии и литературы фэнтези, например, позаимствованные у Толкина гномы и хоббиты. Здесь романистика английского писателя становится неким метатекстом, который модулирует семантику и внешнюю форму переводимого номинатива. Гномы у Сапковского именуются краснолюдами (польск. *krasnolud*): «Рядом скрестив руки на груди, – плотный бородатый краснолюд в лисьей шубе, кольчуге и шлеме с бармицей из железных колец» [3: 262]. В своем «Бестиарии» Сапковский пишет, что это польский аналог гнома, а само название «берет начало от излюбленного гномами красного колпачка» [3: 264]. А вот с «хоббитом» история более примечательная, и в трансформации этого номинатива активную роль сыграли переводчики. В произведениях самого Толкина у слова «*hobbit*» существует синоним «*halfling*» (в русских переводах – «полурослик», «половинчик» или «невысоклик»). Первая польская переводчица «Властелина Колец», Мария Скибневская, перевела «*halfling*» как «*niziolek*». Сапковский и использовал это слово, имея в виду толкиновских хоббитов. А уже Е.П. Вайсборт, переводя книги Сапковского на русский язык, использовал слово «низушек»: «В эркере, за средним столом, у столба, украшенного гирляндами чеснока и пучками трав, сидел пухлощекий кудрявый низушек в фисташково-зеленой жилетке» [3: 384].

Одной из проблем, стоящих перед переводчиком фэнтези, является проблема сохранения национально-специфического и, одновременно, авторско-уникального колорита реалий. Поскольку жанр фэнтези, если можно так выразиться, «импортирован» в славянские литературы из литературы англо-саксонской (если не принимать во внимание тот факт, что сам жанр восходит, вероятнее всего, к средневековому рыцарскому роману, имеющему, как известно, бретонские корни), то и сами авторы, и, особенно, переводчики, делают попытки «дистанцировать» свои тексты от источника жанровой традиции, акцентируя в своих текстах «зазор», разделяющий литературы.

В прозе Сапковского есть много примеров подобного дистанцирования. Отметим один, касающийся условий появления в русском переводе слова «эльфка». В польском языке эльф мужского рода – elf, а женского – elfka. Переводчик Е.П. Вайсброт не стал менять elfka на привычную форму *эльфийка* (которую, например, можно встретить в русских переводах произведений Дж.Р.Р. Толкина), а реконструировал в русском переводе морфологическую структуру оригинального польского слова, получив *эльфка*. Соответственно в других случаях: не *эльфийский*, а *эльфский* и т.д.

Как полагают литературоведы, одним из главных мотивов в «Саге о ведьмаке» является мотив Предназначения. Он достаточно подробно исследован в литературоведческих работах. Так, исследовательница Е.О. Маницкая отмечает: «Мотив Предназначения, неотвратимой судьбы – ключевой для романа, сюжетные перипетии которого строятся на противоборстве двух состояний героя: подчинения фатуму или сопротивления ему благодаря возможности делать выбор, тем самым влияя на свою судьбу» [1: 112–113]. В произведении Сапковского это больше, чем сюжетобразующий мотив. Это целая философская концепция, в некотором смысле аналог религиозного учения, которому одни персонажи следуют, а другие – отрицают. Если перевести разговор на поле лингвистической проблематики, перед нами – концепт (или макроконцепт), определяющий специфику концептосферы всего цикла.

Термин «макроконцепт» в современную лингвистику был введен М.В. Пименовой. Под макроконцептом исследователь понимает «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [2: 32]. Но, поскольку в литературно-художественном произведении все концепты представляют собой систему, то макроконцепт здесь не только связан с конкретными концептами данным типом отношений, но является по отношению к ним структуропорождающим, управляющим началом. В случае с циклом «Ведмак» макроконцепт Предназначение – даже не будучи связан с прочими концептами отношениями семантической включенности, формирует их семантику, поскольку они есть часть системы.

Литература, как и философия, бесконечно продолжает осмысливать проблему судьбы – этот важнейший, глубинный вопрос человеческого существования в различных художественных преломлениях. Анджей Сапковский в своем цикле «Ведмак» интересным образом «обернул» тему судьбы в свою концепцию Предназначения.

Сопоставление системы вербализаторов концепта Предназначение, представленных, с одной стороны, в оригинальном тексте, и с другой, в переводе, демонстрирует, при всей асимметрии языков и структурных отличиях концептосферы автора и его переводчика, известное сходство,

обусловленное фактом транснационального опыта в постижении базовых концептов, формирующих различные культуры. Нюансы же концептуальной системы обусловлены как раз расхождениями в характере языкового материала.

В оригинале на польском языке Сапковский для вербализации данного концепта (концепции) использует слово *przeznaczenie*. Е.П. Вайсброт, переводя текст на русский язык, выбрал самый точный эквивалент этого слова – *предназначение*, а не, например, *судьба*, обладающий практически такой же, казалось бы, семантикой. Однако же, значения этих слов не совсем, а точнее – не всегда равнозначны. *Предназначение*, несомненно, более литературно, оно связано с более глубокими, обусловленными исторически культурными коннотациями, тогда как *судьба* – слово обиходное, из разговорного стиля. К тому же в польском языке также существует более «простой» вариант – *sol*, который и следует переводить как *судьба*.

Интересно проследить варианты перевода данных терминов на другие языки. Так, например, в переводе с английского *destiny* предпочтительнее перевести как *предназначение*, а *fate* – как *судьба* (но это зависит еще и от контекста). Кстати, в английском переводе текстов Сапковского употребляется именно слово *destiny*, которое является, вероятно, наиболее адекватным вербализатором соответствующего макроконцепта: «*Miecz przeznaczenia*» (польск.) – «Меч Предназначения» – «*Sword of Destiny*» (англ.) – название сборника новелл и главной в нем новеллы [8].

Геральт, главный герой Сапковского, не верит в Предназначение, для него суждение о том, что существует некая сила, руководящая судьбами людей и даже правителей, кажется абсурдным. Однако именно он, сам того не подозревая, способствует этой силе (или же эта сила управляет им в своих целях). Предназначение – это не только связь между Геральтом и Цири; его влияние имеет куда большие масштабы: оно определяет судьбы всего мира, и проявляется это влияние в глубинах истории. Философские размышления о Предназначении Сапковский транслирует устами вампира Эмиэля Региса: «Предназначение – не свиток, начертанный рукою Великого Демиурга, не воля Небес и не бесспорное решение какого-то там провидения, а результирующая множества, казалось бы, не связанных между собой фактов, событий и действий» [5: 746–747].

Эта «результирующая множества... фактов, событий и действий» сила, реализованная в макроконцепте Предназначения, и реализуется на текстовом уровне во множестве вербализаторов, в разных языках по-разному нюансирующих семантическую наполненность базового макроконцепта цикла.

Список литературы

1. Маницкая Е.О. «Сага о ведьмаке» А. Сапковского как интерпретация легенды о короле Артуре // Практики и интерпретации: журнал педагогических, образовательных и культурных исследований. 2016. Т.1. №2. С. 109–121.
2. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. докт. филол. наук: 10.02.01 / Марина Владимировна Пименова. СПб., 2001. 497 с.
3. Сапковский А. Геральт: Последнее желание. Меч Предназначения. Кровь эльфов. Час презрения: фантаст. романы / пер. с пол. Е.П. Вайсброта. М.: Астрель, 2013. 163, [5] с.
4. Сапковский А. Дорога без возврата: сборник: перевод с польского. М.: АСТ, 2020. 352 с.
5. Сапковский А. Цири: Крещение огнем. Башня Ласточки. Владычица Озера: фантаст. романы. Мир Ведьмака: Дорога без возврата. Что-то кончается, что-то начинается: рассказы. Бестиарий / пер. с пол. Е.П. Вайсброта. М.: АСТ, 2019. 1213, [3] с.
6. Энциклопедия сверхъестественных существ / сост. К. Королев. – М.: Локид; Миф. – 592 с.
7. Sapkowski A. Ostatnie zichenie [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/fentezi/347347-7-andrzej-sapkowski-ostatnie-uczenie.html#text> (дата обращения: 10.03.2022).
8. <https://www.orionbooks.co.uk/titles/andrzej-sapkowski/sword-of-destiny/9781473211551>

Об авторах:

Бондаренко Марина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Коломенского государственного социально-гуманитарного университета, bond0713@ Rambler.ru.

Левушкин Владислав Алексеевич, выпускник филологического факультета Коломенского государственного социально-гуманитарного университета, lyowushkin@yandex.ru.

«WITCHER» BY A. SAPKOVSKY; THE PROBLEM OF TRANSLATION

M.I. Bondarenko, V.A. Levushkin

Kolomna State Social-Humanitarian Universty, Kolomna

The problem of authentic author's realia is studied in the article together with various transformations which the translators undertake in the process of their translation.

Keywords: *Sapkovsky, fantasy, realia, translation.*

About authors:

BONDARENKO Marina I. – Candidate of Philology, Lecturer of the Department of Russian in Kolomna State Social-Humanitarian University, Kolomna, bond0713@rambler.ru.

LEVUSHKIN Vladislav A. – graduate of the Philological Faculty in Kolomna State Social-Humanitarian University, Kolomna, lyowushkin@yandex.ru.